

31. **Schlauch M.** Antecedents of the English novel, 1450–1600 (from Chaucer to Deloney): [Text] / M. Schlauch. – Warszawa, Polish Scientific publ.; L., 1963.

Надійшла до редколегії 20.06.2009

УДК 821.161

О. А. Воеводина

Днепропетровск

ФУНКЦИИ И СВОЙСТВА ЗАГЛАВИЯ В КНИГЕ М. ЦВЕТАЕВОЙ «ПОСЛЕ РОССИИ»

Розглядається проблема співвідношення назви та тексту твору, аналізуються відповідні функції назви в збірці М. Цветаєвої «После России». Звертається увага на феноменальну якість назви, що полягає у потенційній можливості бути «скинутою» текстом. Інтерпретація художнього тексту набуває певного напрямку, який скерований проблемою національного у світосприйнятті поетеси.

Ключові слова: назва твору, феномен назви, інтерпретація тексту.

Рассматривается проблема взаимоотношения заглавия и текста произведения, анализируются отдельные функции заглавия в сборнике М. Цветаевой «После России». Обращается внимание на феноменальное свойство заглавия – потенциальной возможности быть «свергнутым» текстом. Интерпретация художественного текста приобретает определенное направление, вызванное проблемой национального в мировосприятии поэтессы.

Ключевые слова: название произведения, феномен названия, интерпретация текста.

The problem of the title and the text itself relation is considered, the corresponding functions of the title in the collection "After Russia" are analyzed. The phenomenal property of the title which represents the potential opportunity of being "rejected" is analyzed. The interpretation of the literary text gets the certain direction caused by the national problem in the outlook of the poet.

Key words: the title of the work, the phenomenon of the title, text interpretation.

Национальная идея, по мнению Вячеслава Иванова, «имеет смысл лишь в связи с всемирным „служением“... Мы переживаем за человечество – и человечество переживает в нас великий кризис» [8, с. 15]. Современник В. Иванова Н. Бердяев рассматривал национальную идею в книге «Судьбы России» как «сложное взаимодействие разных ступеней мировой иерархии индивидуальностей, творческое вращение одной иерархии в другую, личности в нацию, нации в человечество, человечества в космос, космоса в Бога» [2, с. 94]. Цветаевский взгляд на идею национального, нашедший выражение в ее письмах и произведениях, двоятся так же как и у В. Иванова и Н. Бердяева; «вселенское» не исключает национального, то есть «родного».

У поэтессы на уровне рационального предпочтение отдается первому, эмоциональный же план ее стихов выявляет иную доминанту. Прежде чем приступить к анализу книги «После России» позволим себе цитату из письма М. Цветаевой к Рильке (от 6 июля 1926 г.): «Для того и становишься поэтом (если им вообще можно *стать*, если им не *являешься* отродясь!), чтобы не быть французом, русским и т. д., чтобы быть – всем. Иными словами: ты – поэт, ибо не француз. Национальность – это от – и за – ключенность. Орфей взрывает национальность или настолько широко раздвигает ее пределы, что все (бывшие и сущие) заключаются в нее...» [7, с. 163]. В одной из Записных книжек также

встречаем любопытное рассуждение: «— А вы действительно полагаете, что есть немецкий человек, русский человек и т.д.? ... Немецкие, русские и т. п. собаки — да. Породы — да. Характеры — да.

Люди — нет.

Быть человеком значит быть богоподобным» [10, с. 406]. И в том и другом высказывании — явная переключка с мыслями и В. Иванова, и Н. Бердяева. И в композиции последней из опубликованных книг М. Цветаевой — «После России» — мы, на первый взгляд, видим воплощение этой идеи. Это неудивительно: стихи, вошедшие в книгу были написаны в первые три года эмиграции, причем первые из них — в первые дни после того, как поэтесса покинула родину. Книга даже разделена на две части, обозначенные пунктами пребывания эмигрантки — «Берлин» и «Прага» (помимо деления ее на «Тетрадь первую» и «Тетрадку вторую»). И каждая из этих частей наполнена многочисленными культурными реалиями, связанными с разными эпохами и странами. Это явно мир поэта, который «широко раздвигает» или «взрывает» национальность».

Заглавие, по определению С. Д. Крижановского, является ключом к интерпретации текста. Оно несет на себе как назывную функцию и функцию идентификации текста, так и функции обособления «своего» текста и представления текста читателю [4, с. 182]. Ученый обращает внимание на информативный смысл заглавия и выделяет в нем оценочный компонент.

Ю. М. Лотман отмечает, что содержание текста «сжимается» в его заглавии, но в то же время подчеркивает, что заглавие содержит большее, чем «снятый» текст — будущее «поле возможных интерпретаций» читателем [5, с. 167]. Заглавие — это и начало «стимула, определенный ход и исход человеческой деятельности» [1, с. 24]. Заглавие — соединительное звено между внетекстовыми рядами и текстом, то есть через заглавие может открыться связь текста с фактами биографии, соотнесенность с конкретной исторической ситуацией, бытовыми реалиями, но заглавия могут приобрести и символическое значение. Чрезвычайно интересно и важно учитывать при анализе заголовочного комплекса культурно-исторический пласт, тексты-источники, что дает возможность оценить конструктивность подхода автора к своему творению. Особое внимание следует уделить анализу соотношения заглавия и текста, так как одна из важнейших функций заглавия — объединение частей произведения в единое целое, что формирует пафос произведения. Это очень важно при изучении поэтических сборников, где заголовки, как правило, максимально обращены к ассоциативным полям и являются циклообразующим фактором в тексте. И. В. Фоменко считает, что одной из основных функций заглавий является возможность быть «свергнутым» текстом [9, с. 98]. И. Г. Кошечкина подчеркивает, что заглавие имеет особую силу ретроспективного воздействия на читателя и при этом полное раскрытие заглавия «происходит через ретроспективную связь повествования и названия» [3, с. 9]. В ретроспекции заглавие становится отражением авторской концепции.

В данной работе мы попробуем, опираясь на вышеприведенный тезис о двойственной природе цветаевского восприятия национального, рассмотреть

вопрос о взаимоотношении заглавия и текста, проанализировать определенные функции, которые выполняет заглавие в книге.

В 1927 году в письме к А. Тесковой М. Цветаева объясняет название готовящейся к изданию книги, в которую включены стихи, написанные в 1922–1925 гг. У автора было несколько вариантов названия («Умыслы», затем – «Тетрадь»), но остановилась она на «После России». В книге много стихотворений философских, недаром одно из первых названий книги – «Умыслы». Это название тесно связано со стихотворением из цикла «Провода»:

Умыслы сгрудились в круг.

Судьбы сдвинулись: не выдать! [12, с. 70]

Второе название – «Тетради» – Цветаева оставила в названии двух частей книги: «Тетрадь первая» и «Тетрадка вторая», подчеркнув, таким образом, некоторую «дневниковость» книги (качество, свойственное всей ее поэзии). Ее любовь к записным книжкам и тетрадкам известна. Недаром друзья часто дарили ей именно книги для записей, в Записных книжках она подчеркивает этот факт. И первое, и второе названия, безусловно, имеют связь с текстом книги, но при этом они мало, чем выявляют ее идейное содержание и, на наш взгляд, не являются его кодом. Эти заголовки нейтральны и, выполняя назывную функцию, функцию идентификации текста и даже функцию обособления «своего» текста, не могут реализовать функцию представления текста читателю в полной мере. Эти первоначальные названия не выполняют и той функции, о которой говорит Ю. Лотман, так как они вовсе не содержат большего, чем «снятый» текст, в них почти нет «истории порождения» и они практически не открывают «поле возможных интерпретаций читателем» [5, с. 167]. Если говорить о заглавии как о соединительном звене между внетекстовыми рядами и текстом, то возможности этих названий весьма ограничены и практически всю информацию, которая характеризует внетекстовые ряды, мы исчерпали в нескольких предложениях комментария.

Название «После России», безусловно, глубже отражает то, что несла в себе эта книга: и философская, и дневниковая одновременно. От достаточно абстрактных заголовков поэтесса приходит к такому, который, по ее мнению, более наглядно выражает главную мысль сборника. Вернемся к письму к А. Тесковой: «Я в этом названии слышу многое. Во-первых – тут и слышать нечего – простая достоверность: все – о стихах говорю – написанное после России. Во вторых – не Россией одной жив человек. В третьих – Россия во мне, не я в России... А в общем название скромное и точное» [11, с. 51]. Безусловно, авторское объяснение во многом помогает интерпретировать текст, поэтому первое, что мы сделаем, это пойдем за самой поэтессой и найдем в тексте поэтического сборника доказательства реализации этого замысла. Первое, на что обращает внимание своего адресата М. Цветаева, не нуждается в комментарии: действительно, «простая достоверность»: в книгу вошли стихи, написанные после того, как поэтесса покинула Россию. Утверждение же, что название «После России» – это указание на то, что эмиграция далась поэтессе легко, что по живому и не рвалось, и что жизнь имеет иные равнозначные источники, в тексте книги во многом опровергается. И здесь мы наблюдаем

феноменальное свойство заголовков, а именно потенцию быть «свергнутым» текстом.

«Вселенское» появляется в книге со словом «Берлин», которое выполняет функцию заголовка для одной из частей первого раздела, и это тоже – «простая достоверность», так как в этой части помещены стихи, написанные в Берлине в июне – июле 1922года. При этом Берлин – это и символ иного мира, мира по ту сторону, поэтому совершенно не случайно появляется мотив Леты в стихотворении, которое завершает «берлинскую» часть книги («Леты слепотекущий всхлип...» [12, с. 22].

Если говорить о культурном тексте книги «После России», то он отличается библейскими, ветхозаветными и христианскими, ассоциациями («По загарам – топор и плуг...», «Удостоверишься – повремени...», «Облака», «Магдалина», «Наука Фомы» и многие другие). Широко представлена в книге античность: циклы «Сивилла», «Федра», «Ариадна», аллюзии и имена, рожающие определенные ассоциации. Огромный мир культуры, объединяющей человечество, органично сосуществующий в книге М. Цветаевой, «подкрепленный» незыблемым для поэтессы авторитетом – Гете, казалось бы, говорит о том, что мысль поэтессы – «не Россией одной жив человек» – вполне справедлива и реализована в книге. Но роль «низвергателя» сыграет финал книги, эмоционально подготовленный всем ходом развития поэтической мысли М. Цветаевой. Следуя этой внутренней логике, мы ощущаем, что **после** России наступает «час мировых сиротств» [12, с. 7] и «лютая юдоль» [12, с. 8], когда «дорого дается жизнь» [12, с. 15]. **После** России «неподражаемо лжет жизнь» [12, с. 17], поэтому и просьба-призыв: «остановимте память» [12, с. 19]. Во втором разделе – «Прага» – трагический накал усиливается: **после** России – «Сивилла: выбывшая из живых» [12, с. 25], после России – «Берегись...» [12, с. 29] и остро чувствуется «неизвлеченный шип в горечи певчих горл» [12, с. 30], у героини «...обидой – опилась душа разгневанная» [12, с. 31], потому что **после** России «пеплы сокровищ, утрат, обид» [12, с. 42]. **После** России из «сырости шпал Россию восстанавливаю» [12, с. 48], потому что неясно, «что же мне делать, слепцу и пасынку» [12, с. 79]. Упорно возникает мысль «тот мир оставить» [12, с. 110], **после** России – «о жизнь, торгуюсь: еще минуту понравься» [12, с. 119]. Далее мотив невозможности жизни лишь усиливается («Поезд жизни», «Древняя тщета течет по жилам», «Побег», цикл «Жизни» и, наконец, в последнем разделе «Крестины» – **после** России «существованием котловиною / Сдавленная, в столбняке глуши, / Погребенная заживо под лавиною / Дней – как каторгу izbываю жизнь» [12, с. 148]. Тема смерти сменяется в последних трех стихотворениях «русской» темой, что прочитывается и как знак тоски, и как знак спасительной надежды. В стихотворении «Променивши на стремя...» (февраль 1925 г.) образы русских народных сказок сменяются ссылкой на Гейне и Вагнера, авторитетом которых подтверждается то важное, что связано с родиной и «славой нашей русской» [12, с. 152]. Следующее за ним «Рас–стояние: версты, мили..» (24 марта 1925 г.), обращенное к Пастернаку, – это крик от невыносимости разлуки, и не только с близким человеком. М. Цветаева утверждала, что в стихотворении

наиболее важны финальные строчки, это же можно перенести и на такое целостное произведение, как поэтический сборник. Поэтому, безусловно, финальное стихотворение должно сыграть свою особую роль. Таким стихотворением становится «Русской ржи от меня поклон...» (7 мая 1925 г.).

Обращает на себя внимание то, что вслед за образом застывшей от солнца бабы приходит образ, рожденный далеко не простонародной культурой: герой сравнивается с Гомером, а трудности его бытия – с тяжеловесностью прекрасных гекзаметров древнегреческого певца. Такое соединение «низкой» и «высокой» культуры вполне в духе Цветаевой, творческую манеру которой в последнее время часто называют близкой к барокко. Для ее поэтики органично соседство простонародного и рафинированного, доступного и элитного. «Вселенское» органично «родному», но книга, где основной посыл – утвердить несостоятельность ностальгических переживаний, заканчивается трогательным поклоном Руси, и даже лексика, которая используется поэтессой, указывает на всю глубину «укоренения» России в ней: баба у нее *застится*, а ее адресат (первоначально стихи были посвящены Б. Пастернаку) «в *погудке* дождей и бед» [12, с. 153].

И, наконец, третье толкование автором названия – «Россия во мне, не я в России» – также может быть не столь убедительным. Воспользуемся внетекстовым материалом. Например, письмо М. Цветаевой к М. Горькому, написанное в октябре 1927 года. В нем просьба, которая вполне естественна для поэта, создавшего эту книгу, и немного странная для автора утверждения, что «Россия во мне, не я в России»: «...скоро выходит моя книга «После России», то есть все лирические стихи, написанные здесь, – вышлю. Если бы Вы каким-нибудь образом могли устроить ее доступ в Россию, было бы чудно (политики в ней никакой) – вещь вернулась бы в свое лоно. Здесь она никому не нужна, а в России меня еще помнят» [6, с. 200].

Таким образом, рассматривая название книги, мы видим заостренно трагическое переживание ситуации расставания с Родиной и со своим читателем. В названии раскрывается не сразу бросающийся в глаза драматизм сюжета всего произведения. Заглавие успешно играет и роль внешнего эпиграфа в книге: оно и сообщает о главной теме и идее произведения, и в какой-то мере прогнозирует сюжет и характер действующих лиц, выполняет функцию эмоциональной доминанты, выстраивая соответствующий ассоциативный ряд. Данный подход к изучению творческого наследия поэтессы открывает широкие перспективы как литературоведческого, так и культурологического анализа.

Библиографические ссылки

1. Арнольд И. В. Значение сильной позиции для интерпретации текста: [Текст] / И. В. Арнольд // Иностранные языки в школе. – 1978. – № 4. – С. 23-31.
2. Бердяев Н. Судьба России: [Текст] / Н. Бердяев. – М.: Сов. Писатель. – 1990. – 346 с.
3. Кошечая И. Г. Название как кодированная идея текста: [Текст] / И. Кошечая // Иностранные языки. – 1982. – № 2. – С. 8-10.
4. Крижановский С. Д. Поэтика заглавий: [Текст] / С. Крижановский. – М., 1931.
5. Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста: [Текст] / Ю. Лотман. – М., 1957.
6. Новый мир. – 1969. – №4. – С.200.

7. **Рильке Р.-М.** Письма 1926 года: [Текст] / Р.-М. Рильке, Б. Пастернак, М. Цветаева. – М.: Книга. – 1990. – 255 с.
8. **Толмачев В. М.** Саламандра в огне: [Текст] // В. Иванов. Родное и вселенское. – М.: Республика, 1994. – 428 с.
9. **Фоменко И. В.** Заглавие литературно-художественного произведения как филологическая проблема: [Текст] / И. Фоменко. – Калинин, 1983.
10. **Цветаева М.** Неизданное: Записные книжки: в 2 т. Т. 2.: 1919–1939: [Текст] / М. Цветаева. – М.: Эллис Лак, 2001. – 581 с.
11. **Цветаева М. И.** Письма к А. Тесковой: [Текст] / М. Цветаева. – Прага, 1969. – 375 с.
12. **Цветаева М.** После России: [Текст] / М. Цветаева. – М.: Сов. фонд культуры; Культурный центр «Дом Марины Цветаевой», 1990. – 153 с.

Надійшла до редколегії 20.06.2009

УДК 821.161

Т. П. Ворова

Днепропетровск

ФИЛОСОФСКАЯ ОСНОВА ДИЛОГИИ Вс. СОЛОВЬЕВА «ВОЛХВЫ» И «ВЕЛИКИЙ РОЗЕНКРЕЙЦЕР» И ОСОБЕННОСТИ ЕЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Аналізуються філософські домінанти у діалогії «Волхвы» та «Великий розенкрейцер» і досліджується їх зв'язок із філософією Вол. Соловйова і езотеричною доктриною розенкрейцерів.

Ключові слова: домінанта, філософія, доктрина.

Анализируются философские доминанты в диалогии «Волхвы» и «Великий розенкрейцер» и исследуется их связь с философией Вл. Соловьева и эзотерической доктриной розенкрейцеров.

Ключевые слова: доминанта, философия, доктрина.

The philosophical dominants in two related books "Magus" and "The Great Rosenkreutzer" are analyzed. The relations of these books with the philosophy of Vl. Solovyov and esoteric doctrine of Rosicrucian's are concerned.

Key words: dominant, philosophy, doctrine.

Известно, что мирозерцание писателя может подвергнуться сильному воздействию какой-либо философской теорией, способной в значительной степени повлиять на творчество автора в целом или содержание отдельного художественного произведения, которое в этом случае становится рупором определенных философских идей и концепций.

Настоящая статья посвящена исследованию взаимосвязей, существующих между философией Вл. Соловьева и содержанием диалогии Вс. Соловьева «Волхвы» и «Великий розенкрейцер». Философию Вл. Соловьева активно исследовали при жизни ее создателя, продолжается ее интенсивное изучение и в настоящее время (П. Флоренский, Л. Лопатин, Н. Бердяев и др.). Тогда как творчество Вс. Соловьева до сих пор остается вне внимания литературоведов. Предлагаемая работа поможет восполнить пробел в анализе указанной темы.

Задачей настоящей статьи является выявление тех положений и постулатов в философском романе-мистории Вл. Соловьева, которые тесно связаны с интерпретацией аналогичных проблем в трудах его брата Вл. Соловьева: в них на основе каббалистического, гностического и христологического материала